

Рабочая газета. - 1990. - 9 сент.

НА протяжении трех последних лет передача «До и после полуночи» по рейтингу телевизионных программ занимает первые места. В ней подкупают непредсказуемость сюжета, подбор материалов, живое общение авторов с гостями программы и, конечно же, прямой эфир, который не терпит фальши и обмана, требует от создателей передачи двойной ответственности.

Большая заслуга в популярности программы, безусловно, заключается в работе ее ведущего В. Молчанова. Беседа с ним состоялась во время его недавнего пребывания в Киеве.

— Владимир Кириллович, расскажите, пожалуйста, как начиналась ваша работа на телевидении?

— В 1986 году, когда я еще трудился в АПН, мне выпала возможность в составе делегации советских журналистов побывать в Америке. В делегацию входили Леонид Кравченко, который тогда возглавлял Гостелерадио (сейчас он генеральный директор ТАСС), и политический обозреватель Александр Бовин. Как только приземлились в Нью-Йорке, буквально через полчаса узнали, что два дня назад произошла чернобыльская трагедия. Американские журналисты бросились к нам узнавать, что же произошло. Но никто из нас ничего не знал. Это был не только самый страшный, но и самый позорный момент в моей журналистской жизни.

После пребывания в США, когда мы летели обратно, ко мне в самолете подсел Л. Кравченко и сказал, что надо что-то коренным образом менять на телевидении. Нужно за короткое время сделать так, чтобы люди начали верить голубому экрану. Он пригласил меня на ТВ делать утренние информационные программы. Имелось в виду создать передачу, которая выходила бы в 6.30 утра по образцу программы «Доброе утро, Америка». Вскоре после этого разговора я пришел на телевидение и с Майей Сидоровой стал работать над программой. Но после первого выпуска оказалось, что стране в данный момент такая программа не нужна.

Но наш с Майей Сидоровой труд на ТВ пожалели и предложили сделать что-нибудь другое. Буквально через два месяца, после того как я пришел на телевидение, в эфир вышел наш человек, названное «До и после полуночи». Это было в ночь с 7 на 8 марта 1987 года — мы впервые вышли в эфир с первой ночной прямой программой. И сразу после этого вокруг меня собралось человек десять, которые стали единым коллективом и с которыми мы продолжаем работать и сейчас. Я не люблю пафосных слов типа единомышленники, просто мы вместе трудимся над одной программой, и это нас связывает.

— Ваша программа всегда идет в прямом эфире?

— Мы выходим несколько раз в сутки. Первый раз в 14.30 по каналу «Орбита» на Дальний Восток. Потом этот вариант, но уже в записи, четыре раза повторяется для других часовых поясов. И уже в 23.30 я снова выхожу в прямой эфир на Европейскую часть. Поэтому то, что видит Дальний Восток, иногда отличается от того, что смотрит Европейская часть Союза. До последнего времени бывало так, что если что-либо острое покажешь на «Орбите», то ночью либо этого не будет в эфире, либо будет сокращено до неузнаваемости. Так однажды произошло с Эльдаром Рязановым, когда из его интервью вырезали три минуты, после чего в журнале «Огонек» появи-

лась его статья «Почему я ушел с телевидения в эпоху гласности?».

Встречи и знакомства

Тележурналист
Владимир МОЛЧАНОВ:

ИЗВЕСТНЫМ БЫТЬ ОБЯЗАН

— Часто ли случаются подобные или другие конфликтные ситуации?

— Пик конфликтов пришелся на ноябрь 1989 года, когда я пригласил в гости главного редактора «Аргументов и фактов» Старкова, а на следующий день был чуть ли не уволен. Приказ, правда, подписать не успели, но председатель Гостелерадио Ненашев сказал, что я бросил в Генерального секретаря не камень, а булыжник, и на планерке выразился коротко и ясно: «Чтобы его в эфире больше не было!» Дело в том, что в те дни по Москве ходили слухи, будто М. С. Горбачев хотел уволить Старкова, хотя я думаю, что это совершенно не так и Горбачев к этому не имеет никакого отношения.

В общем, когда на следующий день я пришел на работу, то понял, что это один из удивительных дней моей журналистской биографии. На летучке ведь присутствовало более 100 человек, а слухи у нас распространяются, как вы знаете, очень быстро, и где-то через час о моем увольнении знали даже во Владивостоке. И поэтому утром не я, а председатель Гостелерадио столкнулся с нештатной ситуацией: вокруг здания ЦТ стояли с плакатами наши москвичи, стояли иностранные радиотележурналисты. Все требовали объяснений. Звонили народные депутаты СССР из Комитета по гласности. Это была очень важная защита

зрительской аудитории. После этого я остался работать на ТВ. Мне лишь объявили выговор за нарушение журналистской этики. Нарушение действительно было, так как я не предупредил главного редактора, что приглашу в студию Старкова. Да я и не хотел этого делать, ведь была ночь, и зачем в столь позднее время портить нервы руководству?

— Мы видим вас и в программе «Время»...

— К сожалению, моя главная работа, за которую я получаю деньги, связана не с передачей «До и после полуночи», а с программой «Время». Ведь на работу на ТВ я был взят как комментатор программы «Время», и согласно договору я должен, как минимум, два раза в неделю работать в эфире в этой программе. «До и после полуночи» остается как бы моим хобби.

— В последнее время в печати появилось много материалов о бывшем генерале КГБ Калугине. Были и официальные, и журналистские. Вы также с ним встречались...

— Очень нелегко далась мне эта встреча. Я лично с большим уважением отношусь к поступку Калугина, потому что, выступая против такой машины, как КГБ, надо обла-

было довольно трудно. Митрополит Питирим — тогда он был архиепископом — пришел на встречу в студию. Затем материал долго не пропускали, и лишь через четыре выпуска он вышел в эфир. Вообще к религии я отношусь с большим уважением и еще в 1986 году написал небольшую книгу «Беседы с религиозными деятелями России».

— Если не секрет, по каким причинам ушла из программы Майя Сидорова?

— Личных причин здесь никаких. Я очень благодарен ей за сотрудничество. Те программы, которые я с ней выпустил, мы делали действительно вместе. Просто со временем возникла некоторая психологическая несовместимость между журналистом и диктором. Диктору надо весь текст написать, и он прочитает. А у меня нет времени писать тексты дикторам, я себе не пишу. И потом, вы видите — все передачи авторские, они обходятся без дикторов, и диктор там совершенно не нужен.

— Правда ли, что спортивный комментатор ЦТ Анна Дмитриева ваша сестра?

— Действительно, это так. Она мне не только сестра, она человек, который меня воспитал. Анна старше меня на 10 лет и оказала большое влияние на формирование меня как журналиста. В прошлые годы она была чемпионкой СССР по теннису, а сейчас, как бы продолжая спортивную карьеру, работает спортивным комментатором, хотя, по моему мнению, Анна намного одареннее меня и могла бы делать более серьезные программы.

— Говорят, ваша супруга также профессиональный журналист...

— Да, мы с ней коллеги. Моя жена Консуэлла Сигура, испанка по национальности, работает обозревателем газеты «Советская культура» по международному отделу.

— Как вам удастся поддерживать такую прекрасную физическую и творческую форму?

— К сожалению, моя физическая форма стала очень плохой. Когда-то я был чемпионом СССР по теннису среди юношей, но вот уже три года как я стал постоянным пациентом доктора Касьяна. Насчет творческой формы — судить вам, зрителям.

— Телевизионная популярность не затрудняет вашу жизнь?

— Я считаю телевизионную популярность одной из самых больших глупостей. Потому что телевидение за неделю может сделать популярным любого, достаточно неделю показывать его по ТВ. Но это дешевая популярность, и, как правило, она проходит, как только человек исчезает с экрана. Хотя он еще долго потом может приходиться в магазин, и ему с «черного» хода будут продавать мясо и т. д. Телевизионную популярность нельзя сравнить, к примеру, с популярностью известного артиста.

— Но быть известным журналистом, наверное, все же приятно?

— По моему понятию, журналист обязан быть известным. Неизвестный журналист — это очень плохо. Это очень грустно, так же, как неизвестный актер.

Записал беседу
В. ВАСИЛЬКОВ.